

Сказка Царь Никита и сорок его дочерей

Царь Никита жил когда-то
праздно, весело, богато,
не творил добра, ни зла
и земля его цвела.

Царь трудился понемногу,
кушал, пил, молился богу
и от разных матерей
прижил сорок дочерей.

Сорок девушек прелестных,
сорок ангелов небесных,
милых сердцем и душой.

Что за ножка — боже мой!

А головка, темный волос,
чудо-глазки, чудо-голос,
ум — с ума свести бы мог.

Словом, с головы до ног
душу, сердце все пленяло;
одного недоставало.

Да чего же одного?

Так, безделки, ничего.

Ничего иль очень мало,
все равно — недоставало.

Как бы это из"яснить,
чтоб совсем не рассердить
богомольной важной дуры,
слишком чопорной цензуры?

Как быть?... Помогите мне, бог!

У царевен между ног...

Нет, уж это слишком ясно
и для скромности опасно,
так иначе как-нибудь:

я люблю в венере грудь,
губки, ножки особливо,
но любовное огниво,
цель желанья моего...
Что такое?...Ничего!...
Ничего иль очень мало...
И того-то не бывало
у царевен молодых,
шаловливых и живых
их чудесное рожденье
привело в недоуменье
все придворные сердца.
Грустно было для отца
и для матерей печальных.
А от бабок повивальных
как узнал о том народ
всякий тут разинул рот.
Ахал, охал, дивовался,
и иной, хоть и смеялся,
да тихонько, чтобы в путь
до нерчинска не махнуть.
Царь созвал своих придворных,
нянек, мамушек покорных
им держал такой приказ:
«если кто-нибудь из вас
дочерей греху научит,
или мыслить их приучит,
или только намекнет,
что у них недостает,
иль двусмысленное скажет,
или кукиш им покажет,
то — шутить я не привык

бабам вырежу язык,
а мужчинам нечто хуже,
что порой бывает туже!»

Царь был строг, но справедлив,
а приказ красноречив;
всяк со страхом поклонился,
остеречься всяк решился,
ухо всяк держал востро
и хранил свое добро.

Жены бедные боялись,
чтоб мужья не проболтались;

Втайне думали мужья:
«провинись, жена моя!»
(Видно сердцем были гневны)
подросли мои царевны.

Жаль их стало. Царь — в совет;
изложил там свой предмет:
так и так — довольно ясно,
тихо, шепотом, негласно,
осторожнее от слуг
призадумались бояры,
как лечить такой недуг.

Вот один советник старый
поклонился всем — и вдруг
в ясный лоб рукою брякнул
и царю он так вавакнул:
«о, премудрый государь!
Не взыщи мою ты дерзость,
если про плотскую мерзость
расскажу, что было встарь.
Мне была знакома сводня

(где она? И чем сегодня?
Верно тем же, чем была)
баба ведьмою слыла.
Всем недугам пособляла,
немочь членов исцеляла.
Вот ее бы разыскать;
ведьма дело все поправит,
а что надо — то и вставит».
«Так за ней сейчас послать!
Восклицает царь никита,
брови сдвинувши сердито,
тотчас ведьму отыскать!
Если ж нас она обманет,
чего надо не достанет,
на бобах нас проведет,
или с умыслом солжет,
будь не царь я, а бездельник,
если в чистый понедельник
сжечь колдунью не велю:
и тем небо умолю».
Вот секретно, осторожно,
по курьерской подорожной
и во все земли концы
были посланы гонцы.
Они скачут, всюду рыщут
и царю колдунью ищут.
Год проходит и другой
нету вести никакой.
Наконец один ретивый
вдруг напал на след счастливый.
Он заехал в темный лес

(видно вел его сам бес).

*Видит он: в лесу избушка,
ведьма в ней живет, старушка.*

*Как он был царев посол,
то к ней прямо он вошел,
поклонился ведьме смело,
изложил цареве дело:
как царевны рождены
и чего все лишены.*

Ведьма мигом все смекнула...

*В дверь гонца она толкнула
так примолвив: «уходи
поскорей и без оглядки,
не то, бойся лихорадки...*

*Через три дня приходи
за посылкой и ответом,
только помни — чуть с рассветом».*

*После ведьма заперлась,
уголочком запаслась,
трое суток ворожила
так что беса приманила.*

*Чтоб отправить во дворец,
сам принес он ей ларец
полный грешными вещами,
обожаемыми нами
там их было всех сортов,
всех размеров, всех цветов,
все отборные, с кудрями...*

*Ведьма все перебрала,
сорок лучших оточла,
их в салфетку завернула
и в ларец на ключ замкнула,*

с ним отправила гонца,
дав на путь серебреца.

Едет он. Заря зарделась...

Отдых сделать захотелось,
захотелось закусить,
жажду водкой утолить.

Он был малый аккуратный
всем запасся в путь обратный.

Вот коня он разнуздал
и спокойно кушать стал.

Конь пасется, он мечтает
как его царь вознесет,
графом, князем назовет.

Что же ларчик заключает?

Что царю в нем ведьма шлет?

В щелку смотрит: нет не видно
заперт прочно. Как обидно!

Любопытство страх берет
и всего его тревожит.

Ухо он к замку приложит
ничего не чует слух;

нюхает — знакомый дух...

Тьфу ты пропасть! Что за чудо?

Посмотреть ей-ей не худо.

И не вытерпел гонец...

Но лишь отпер он ларец,
птички — порх! — И улетели,
и кругом на сучьях сели,
и хвостами завертели.

Наш гонец давай их звать,
сухарями их прельщать:

крошки сыплет — все напрасно
(видно кормятся не тем)
на сучках им петь прекрасно,
а в ларце сидеть зачем?
Вот тащится вдоль дороги,
вся согнувшись дугой
баба старая с клюкой.
Наш гонец ей бухнул в ноги:
«пропаду я с головой!
Помоги, будь мать родная.
Посмотри, беда какая:
не могу их изловить!
Как же горю пособить?»
Вверх старуха посмотрела,
плюнула и прошипела:
«поступил ты хоть и скверно,
но не плачься не тужи...
Ты им только покажи
сами все слетят наверно».
«Ну спасибо!»-Он сказал...
И лишь только показал
птички вмиг к нему слетели
и квартирой овладели.
Чтоб беды не знать другой,
он без дальних оговорок
тотчас их под ключ, все сорок
и отправился домой.
Как княжны их получили,
прямо в клетки посадили.
Царь на радости такой
тотчас задал пир горой.
Семь дней кряду пировали,

*целый месяц отдыхали.
Царь совет весь наградил
да и ведьму не забыл:
из кунсткамеры в подарок
ей послал в спирту огарок
(тот, который всех дивил),
две ехидны, два скелета
из того же кабинета...
Награжден был и гонец.
Вот и сказочки конец.*

<https://fairytale.site/>